

Семья деда Мо Жу придерживалась системы трёх жён и четырёх наложниц, иерархия была строгой. Мать Мо Жу родилась от законной жены и всегда обладала уверенностью в себе. Побочные дети не смели говорить громко в её присутствии, не говоря уже о том, чтобы противостоят ей и требовать уважения к себе.

Яо Сюэшэн выпрямила спину, стараясь сохранять спокойствие:

— Уважаемый одноклассник, это наше семейное дело с братом, и вам, постороннему человеку, не стоит вмешиваться.

Казалось, она совершенно не обращала внимания на сарказм Тин Жуя, и продолжала:

— Брат, мама действительно совершила ошибку. Я просто хочу извиниться перед тобой за неё, не надеясь на твоё прощение.

Её низкий поклон вызвал жалость у зрителей, которые смотрели на это как на зрелище. Однако, несмотря на сочувствие, никто не хотел вмешиваться в эту грязную историю. Вскоре один из преданных поклонников Яо Сюэшэн выступил вперёд, хмурясь и обвиняя Тин Жуя:

— Раз Сюэшэн уже извинилась, тебе не нужно продолжать цепляться за прошлое, верно?

— Чёрт, это Цюй Цзышуй, этот идиот, — «тихо» выругалась Мо Жу. — Кто сказал, что извинение обязательно должно быть принято?

Однако её «тихий» голос был слышен всем, у кого были уши.

Мо Жу и Цюй Цзышуй были соседями, выросли вместе, но никогда не ладили. Они не были ни детьми-друзьями, ни врагами-любовниками, а скорее смертельными врагами, которые в драке не щадили друг друга, желая убить оппонента.

Цюй Цзышуй не выдержал:

— Мо Жу, кого ты называешь идиотом?

Мо Жу усмехнулась:

— Кто откликнулся, тот и идиот. Ха, идиот хочет заступиться за свою богиню Белого Лотоса? Даже не посмотрел, принимает ли твоя богиня это.

Молодой зверочеловек, вспыльчивый и импульсивный, бросился к Мо Жу, чтобы схватить её за воротник. Так обычно начинались их драки: Цюй Цзышуй, пользуясь своим высоким ростом, поднимал маленькую Мо Жу.

Мо Жу не испугалась. Хотя Цюй Цзышуй был силён, она была более ловкой, и в их драках она редко оказывалась в проигрыше.

Тин Жуй, конечно, не мог просто стоять и смотреть, как Цюй Цзышуй нападает на Мо Жу прямо перед ним.

Он протянул руку, схватил руку Цюй Цзышуя, движущуюся вперёд, и, следуя силе его рывка, провёл ладонью до локтя, нажал и резко согнул. Рука Цюй Цзышуя под острым углом согнулась назад, ударив его самого в грудь с глухим звуком.

Цюй Цзышуй отшатнулся, вскрикнув от боли, и с ненавистью посмотрел на Тин Жуя:

— Ты что делаешь?

— Ничего, — Тин Жуй убрал руку. — Я просто предотвратил случай издевательства над одноклассником. Цюй Цзышуй, ты думаешь, что издеваться над девушкой — это достойно?

— Хм, и что? — Цюй Цзышуй не придавал этому значения. — Она ведь не из моего рода, и ты думаешь, что я буду её щадить?

— О... — Тин Жуй многозначительно вздохнул. — Я думал, что ты так яростно обвинял меня, потому что ты справедливый и великодушный. Но, оказывается, твои моральные устои настолько низки, что ты считаешь, что «не нашего рода — значит враг»? Так зачем же ты так спешил заступиться за Яо Сюэшэн?

— Я, я... — Цюй Цзышуй, конечно, не скажет прямо, что он влюблён в Яо Сюэшэн. Он знал, что она не ответит ему на глазах у всех, и он не хотел опозориться.

Межродовая вражда звероловцев была лишь негласным правилом, которое нельзя было выносить на всеобщее обсуждение. Цюй Цзышуй пробормотал что-то и, под взглядами окружающих, полными неприязни, бросился прочь, оставив Яо Сюэшэн бледной и одинокой, упрямо глядящей на Тин Жуя.

— Последнее, Яо Сюэшэн, — Тин Жуй уже устал тратить на неё время. — Если ты действительно хочешь примириться со мной, как ты говоришь, то за последние десять лет у тебя было множество возможностей. Зачем ждать именно сегодня?

— Я просто не знала, как к тебе подойти... — оправдывалась Яо Сюэшэн.

— Вряд ли, — Тин Жуй усмехнулся, безжалостно срывая с неё последнюю маску. — Разве не потому, что я выгнал Яо Цяньцян из семьи Тин, и ты, видя её падение, решила заискивать передо мной, надеясь, что я забуду прошлое? Должен сказать, в умении приспособливаться и льстить вы с матерью действительно талантливы.

— И, пожалуйста, больше не называй меня братом. Ты ведь сама знаешь, действительно ли ты моя сестра.

У озера в беседке сидели двое.

Один из них держал чашку чая, его взгляд был устремлён вдаль. Несколько певчих птиц «Боинь» сидели на ветвях у воды, прыгая и издавая радостные звуки.

Напротив сидел мужчина средних лет с обычной внешностью, но с двумя длинными бровями, которые придавали его лицу некую зловещность, делая его похожим на человека с сомнительной репутацией.

— Я слышал, что недавно одна из ваших фигур была уничтожена? — начал он.

Его информация была всегда на высоте, и ничто в кругах не могло ускользнуть от его внимания. Тем более что за той семьёй следило множество глаз, и новости распространялись быстро.

Его собеседник улыбнулся:

— Это не фигура, так что и говорить о её уничтожении не стоит.

— О? — Мужчина явно не поверил. Он столько лет вкладывал в эту фигуру, столько усилий потратил на её внедрение рядом с тем человеком, а теперь всё сводится к такому легкомысленному заявлению?

Тот человек постучал пальцем по столу, издавая звук «тук-тук». Одна из птиц «Боинь» подлетела и нежно клюнула его палец.

— Она была слишком глупа, и я с самого начала не возлагал на неё больших надежд. То, что она смогла продержаться рядом с Тин Чжэнмином так долго, честно говоря, меня удивило.

Мужчина покачал головой:

— Тин Чжэнмин? Это просто глупец.

Он оценил:

— Узколобый, мелочный, не различающий добро и зло, самовластный.

Он сделал вывод:

— Он идеально подходит для твоей фигуры.

Тот человек больше не пытался исправить мужчину в его терминологии «фигуры». Он отломил кусочек печенья и рассыпал крошки на столе. Птицы, привлечённые едой, подлетели и начали клевать. Он погладил одну из них по белоснежному оперению, и она нежно клюнула его в ответ.

Мужчина в душе удивлялся, как такой хитрый и коварный человек мог быть так любим и близок к простым животным. Это и делало его непроницаемым для других, скрывающим зловую натуру под маской доброты. Этот навык притворства был поистине недостижим.

— Как продвигается твой план? Семья Лу вернулась в Центральный округ и начала расследовать события прошлого. Если ты не уберёшь все следы, и они найдут хоть намёк, последствия будут серьёзными.

— Семья Лу? — Тот человек задумался, словно вспоминая что-то, и уголки его губ приподнялись в улыбке. — Я чуть не забыл, старшего сына Лу зовут Лу Цисэнь, верно?

Увидев кивок мужчины, он продолжил:

— Я не думаю, что он представляет для меня угрозу.

Мужчина с интересом посмотрел на него, и тот не стал тянуть:

— Слабость этого человека очевидна. Он ведь очень привязан к тому ребёнку, не так ли?

Мужчина понял:

— ...Ты говоришь о том мальчике — Тин Жуге?

— Ох, это действительно... — Мужчина не смог сдержать смеха. — Ты, возможно, ошибся, Лу Цисэнь абсолютно равнодушен к нему! Все дела, связанные с Тин Жуге, после возвращения решал старый господин Лу, Лу Цисэнь вообще не обращал на него внимания!

Тот человек нахмурился, и на его обычно спокойном лице появилось редкое недоумение:

— Это действительно неожиданно. Неужели он за эти годы в Двенадцатом округе потерял разум?

— Не гадай, — мужчина с удовольствием наблюдал, как тот теряет уверенность. Ему всегда не нравилось, как этот человек держался с видом всезнайки. — Тин Жуй тогда был ещё ребёнком, а Лу Цисэнь уже взрослым парнем. Что у них могло быть общего? Люди забывают, за десять лет он мог уже полностью о нём забыть.

Что ты знаешь?

<http://bllate.org/book/16324/1473501>